

важно открытое послание Прота, сохранившаяся в славянском переводе и довольно известное в XVI в.¹⁶ Непрекращение и принятие в своем сане (с. 35) не означает признания таинства у неправославных¹⁷. Методологически неверно обсуждать отношение православных к мнению о «непорочном зачатии» Девы Марии, не выяснив различий в учении о прародительском грехе¹⁸. «Скрижальные книги» Севира (с. 122, 265) — «Синтагматийон» о таинствах, переведенный в сборнике «Скрижаль» (из-

данном в Москве в 1655—1656); толкование литургии в этом сборнике не Севирова¹⁹. Иов, автор трактата о таинствах (с. 319), — не Иасит²⁰ (XV в.?). Славянское «Добротолюбие» нельзя путать с русским; изменения внутри текстов имеет только второе (ср. с. 373—374). Мнение Дж. Скиро о зависимости Нила Кавасиллы от Варлаама (с. 265) преувеличено²¹. Выражение «Острожская Академия» нельзя понимать буквально — как академии с «ректором» Лукарисом (с. 164) во главе. И наконец, Славяно-греко-латинская академия не была Московским университетом (с. 270).

В. М. Лурье

¹⁶ Петров Н. И. Западнорусские полемические сочинения XVI в. // Тр. Киевской Духовной Академии. 1894. Г. 35. С. 172—183. Библиографию сербских исследований, позднее опубликованных по этой теме, см.: Радойчић Ђ. С. Два примера Руварчеве тачности (I Буна Смедеревског митрополита Павла) // Споменница Илариону Руварцу. Нови Сад, 1955. С. 125—127 (дополнение А. А. Турилова).

¹⁷ Троицкий В. Н. Очерки из истории догмата о Церкви. Сергиев Посад, 1912.

¹⁸ Meyendorff J. A Study of Gregory Palamas. L., 1974. P. 234—236.

¹⁹ Состав компиляции Иоанна Нафанаила: Красносельцев Н. Ф. Толковая Служба... // Православный собеседник. 1878. № 5. С. 35—37.

²⁰ Darrouzès J. Textes synodaux chypriotes // REB. 1979. Vol. 37. P. 44. Not. 23.

²¹ Jevtić A. Rencontre de la scolastique et de l'hésychasme dans l'oeuvre de Nilus Cabassilas // L'Art de Thessalonique... Belgrade, 1987. P. 149—157.

Obolensky D. Six Byzantine Portraits. Oxford: Clarendon Press, 1988. XII, 228 p.

Новая книга профессора Д. Оболенского «Шесть византийских портретов» (Оxford, 1988) выполнена в духе концепции его фундаментального труда «Византийское содружество: Восточная Европа, 500—1453», который за сравнительно короткий срок выдержал два издания¹. В новом исследовании Д. Оболенский, как и прежде, настаивает на существовании в средневековой Восточной Европе идейно-политической и религиозно-культурной общности греков и славян. По убеждению ученого, обращение славян в христианство открыло перед ними путь к византийской цивилизации и позволило им занять законное место в христианской ойкумене. Вместе с тем на современном этапе изучения

проблем византийского содружества Д. Оболенский отказывается от обобщающего их освещения и выступает с рядом отдельных очерков. В них рассматриваются личности наиболее выдающихся представителей византийского «содружества», общественная деятельность которых, по мнению ученого, раскрывает сущность византийско-славянских культурных контактов и «космополитического мира» Восточной Европы. В их число вошли Климент Охридский, Феодилакт Охридский, Владимир Мономах, Савва Сербский, митрополит Киприан и Максим Грек.

Безусловно, каждый из очерков передает обаяние изучаемых исторических персонажей благодаря глубине исследования и оригинальной авторской концепции. Принципиальной стороной творческих поисков Д. Оболенского является сочетание скрупулезного изучения источников и обобщающих наблюдений над эпохальными историко-культурными процессами и событиями. Прежде всего это обнаруживается в первом очерке о Клименте Охридском (с. 8—33). Выявление белых пятен его биографии и общественной активности непосредственно связывается с вопросами о роли папства в деле создания и распространения славянской письменности, о признании восточнохристианской церковью «филиокве» и о причастности Климента к составлению кириллицы.

¹ Obolensky D. The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe, 500—1453. N. Y.; Wash., 1971; [Reed.] Crestwood: St. Vladimir's Seminary Press, 1982. Оценки труда см.: Литаврин Г. Г. Рец. на: Obolensky D. The Byzantine Commonwealth. N. Y., 1971 // ВИ. 1972. № 2. С. 180—185; Вин Ю. Я. Проблемы идейного и культурного влияния Византии на Русь в свете концепции «Византийского содружества» Д. Оболенского // Культура и общество Древней Руси (X—XVII вв.): (Зарубежная историография). М., 1988. Ч. 1. С. 52—71; Чичуров И. С. Политическая идеология средневековья: Византия и Русь. М., 1990. С. 15—16.

Отчасти те же проблемы затрагиваются и в рассказе о Феофилакте Охридском (с. 34—82). Он предстает проводником имперской идеологии среди болгар, призванным удерживать их в подчинении Византии (с. 77). В очерке о Владимире Мономахе (с. 83—114) Д. Оболенский касается главным образом вопросов сохранения внешнеполитического единства Русского государства и преодоления им внешней военной угрозы. Ученый рисует картину нарастающего церковно-политического и культурного влияния на Русь Византии, в свете которого Владимир Мономах изображен в качестве носителя основного принципа византийской политической философии — идеала метаполитического авторитета императора для всего православного христианства.

Особо насыщена проблематика очерка о Савве Сербском (с. 115—172). В первую очередь анализируется государственное и церковное строительство Сербии. Их тесная взаимосвязь признана характерной чертой страны периода средневековья (с. 120). Последовательно освещая внезапные повороты судьбы Саввы, Д. Оболенский доходчиво разъясняет международное положение Сербии конца XII—первой трети XIII в. Оно обуславливается подъемом монашеского движения на Афоне и взаимоотношениями с папством, противоречиями между наследниками Византийской империи после ее крушения в начале XIII в. Вклад Саввы в создание независимых Сербского государства и церкви сделал его национальным героем.

В последних двух очерках рассказывается о превратностях жизни митрополита Киприана (с. 173—200) и Максима Грека (с. 201—219). Первому из них Д. Оболенский приписывает решающую роль в отношениях Византийской империи и народов Восточной Европы. Оценка общественно-политической и церковной деятельности Киприана сопровождается анализом противоборства Московского государства и Литвы, равно и реконструкцией внешней политики константинопольского патриархата. И наконец, Максим Грек, личность которого немислима вне итало-греческих культурных контактов, отнесен к числу последних представителей византийского мира с присущими ему традиционными связями России, Афона и Константинополя.

При всем разнообразии изучаемые в книге Д. Оболенского проблемы объединяются идеей христианского «содружества». Ее источником, как показывает прямая отсылка на одно из писем патриарха Филофея, явилось положение о «священной политике христиан». Это понятие воспринято в его «классическом» значении и без какой-либо аргументации и определения специфики средневековой семантики отождествляется с представле-

ниями о «сверхнациональной общности»².

И все же в большинстве очерков на первый план выдвигаются проблемы этнического самоопределения и культурной автономии славянских народностей. Именно это подчеркнуто в рассказе о Клименте Охридском (с. 20, 32). Далее, в очерке о Феофилакте Охридском сделан вывод о том, что национальное самоопределение составляет часть кирилло-мефодиевской идеологии (с. 77). А само творчество Феофилакта признано лишь промежуточным звеном в развитии византийского культурного космополитизма на пути к национальной традиции, сформировавшейся к XIII—XIV вв., когда Кирилл и Мефодий были впервые объявлены болгарскими (с. 64—65). Одной из наиболее ярких тем главы, посвященной Владимиру Мономаху, оказывается проблема национального сопротивления иноземцам и единства, которые достигимы в результате подчинения, по словам ученого, личных интересов отдельных представителей княжеского рода национальным (с. 103, 107). В очерке о Савве Сербском Д. Оболенский отводит немалое место обоснованию идейно-политических и культурных принципов концепции «содружества». И в то же время автор книги находит возможность говорить также и о зарождении национального самосознания сербов. Оно воплощалось не только в политическом курсе правителей Сербии на государственный и церковный суверенитет, но и закреплено в составленной Саввой кормчей (с. 139, 153, 155).

Аналогичным образом в очерке о митрополите Киприане возвышение Московской Руси и Литовского княжества представлено на фоне идейно-политического и культурного «космополитизма» Афона и «международного» исихастского движения. Формирование государств и церквей славянских стран интерпретируется как проявление «сепаратизма и национализма» (с. 174, 180, 190, 196). Тот же «космополитизм» признан неотъемлемой сущностью и Максима Грека. Однако последнему, как полагает Д. Оболенский, пришлось столкнуться с распространением учения о третьем Риме, которое вытеснило византийскую модель универсалистской идеологии, равно и с политической русскими государей, проводимой в узких рамках «московского национализма» (с. 218).

Итак, Д. Оболенский рассматривает взаимоотношения Византии и стран Восточной Европы с позиций выработанной им концепции «содружества». Обоснование этой концепции само по себе не сни-

² См.: *Каждан А. П.* Рец. на: *Obolensky D. The Byzantine Commonwealth. L., 1971 // ВВ. 1973. Т. 35. С. 261.*

мает вопроса о становлении и подъеме национальных государств и церквей. Ученый признает существование подобных процессов. Однако нам представляется, что интерпретация их как проявления «сепаратизма» и «национализма»

несколько спорна. В целом труд Д. Оболенского служит совершенствованию концепции «содружества» и приданию ей нового качества.

Ю. Я. Вин

Карпов С. П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII—XV вв.: Проблемы торговли. М.: Изд-во МГУ, 1990. 336 с.

Средиземноморской торговле в советской медиэвистике в целом не повезло. Рецензируемая монография представляет собой первый в нашей историографии фундаментальный обобщающий труд, посвященный очень важной теме — одному из магистральных направлений этой торговли, между главными морскими республиками Италии — Генуей и Венецией — и Южным Причерноморьем.

Вполне обоснованно избраны хронологические рамки исследования: автор начинает его со второй половины XIII в., времени, когда итальянские города завязали торговлю с Южным Причерноморьем, и заканчивает 60-ми годами XV в., когда этот регион был завоеван турками-османами.

Особую ценность монографии придает богатейшая источниковедческая база: кроме практически всех опубликованных документов на десяти языках (включая турецкий и грузинский), тщательному анализу подвергнуто очень большое число разнотипных источников из архивов Венеции и Генуи.

Этническая пестрота населения и наличие в этом регионе различных государственных образований, существенно отличавшихся друг от друга и менявшихся на протяжении данного времени по своему облику и границам или же уступавших место другим, побудили автора после детального источниковедческого и историографического обзора перейти прежде всего к политической и экономической характеристикам этих государств, уделяя особое внимание портам и пролежавшим по данной территории торговым маршрутам (гл. 1). Прослеживается основание факторий (после того как итальянцы прочно утверждаются с 60—80-х годов XIII в. на этих путях) во всех более или менее важных портах не только Южного, но и прилегающего к нему Юго-Восточного Причерноморья. Уже имевшиеся в историографии сведения об этих городах (как правило, весьма скудные) дополняются новыми данными о хозяйстве и их специфических чертах. Таким образом, у автора появляются достаточные основания систематизировать имеющиеся в его распоряжении материалы и классифицировать города по четырём типам: 1. Крупные центры международной морской и караванной торговли; 2. Города, средние по своей величине и значению, региональная торговля

которых была все же связана с торговлей на большие расстояния (в городах этих двух типов было развито и ремесло); 3. Города, имевшие сношения только с округой, но при определенных обстоятельствах оказывавшиеся на некоторое время втянутыми в орбиту деятельности итальянских купцов; 4. Города, выполнявшие лишь функции крепости или административного центра. То обстоятельство, что фактории были основаны в крупных и средних городах, свидетельствует, по мнению автора, о вовлечении этих городов в международную торговлю.

Во второй главе рассматриваются товары, переправлявшиеся Генуей и Венецией через портовые города Причерноморского региона с Востока на Запад и из стран Западной Европы в обратном направлении, а равным образом местные товары, экспортировавшиеся на Запад, и структура торговли. Автор вносит коррективы в принятые раньше представления о соотношении этих групп товаров. Данные о концентрировавшейся в Южном Причерноморье торговле специями, сукнами, шелковыми тканями, мехами в разные периоды сведены в шесть таблиц, наглядно показывающих объем торговли, ее динамику, направление движения товаров (пункты вывоза и ввоза), цены на них и пр. Исследуя различия в ассортименте товаров, экспортировавшихся из данного региона, С. П. Карпов выявляет определенную специализацию отдельных областей, продукция которых через Трапезунд и другие центры доставлялась на Запад, а также перечень товаров, импортируемых сюда преимущественно из Северного Причерноморья для местного потребления, что, естественно, было тесно связано с внутрирегиональным товарообменом. Прослеживается постепенная трансформация структуры торговли, являвшаяся в значительной мере следствием менявшейся рыночной конъюнктуры, подъёмов и спадов торговли (в особенности кризиса середины XIV в., после которого масштабы торговли начали неуклонно сокращаться). Эти изменения, в свою очередь, определялись совокупностью политических и других факторов. Особо следует отметить все более возроставшую роль работорговли. Впервые в исторической науке автор правильно установил пути, по которым вывозились в XV в. из Северного Причерноморья